

Н.Н. Витченко, Е.С. Турутина

ЭТИЧЕСКИЕ И ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЙНЫ И МИРА: ВОЗМОЖНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ

Томский государственный педагогический университет

Честность, открытость, бескорыстие, любовь – на индивидуальном, межличностном и международном уровне – принципы, позволяющие устанавливать сотрудничество и разрешать конфликты, омрачающие жизнь многим народам. Мораль лежит в основе всей жизнедеятельности, и от того, насколько полно ее нормы овладеют сознанием каждого человека, зависит будущее всего человечества. Исторический опыт свидетельствует о том, что вооруженным путем возможно лишь на время пригасить конфликт, но не разрешить его. Это утверждение особенно справедливо, когда речь идет об этнических конфликтах. Их устранению должно предшествовать кардинальное изменение психологического и морального климата, формирование принципов глобальной этики в системе межгосударственных и межличностных взаимоотношений. Гуманитарная ценность глобальной этики заключается в том, что она настаивает на мысли о том, что безопасное будущее зависит от изменений в человеческой культуре, переживающей глубокий кризис, прежде всего, кризис нравственный.

С тех пор как культурный кризис начал рассматриваться так же, как кризис этический, философы пытаются разработать нормы социальной этики, как основной составляющей глобальной этики, для обществ «постмодерна» («постиндустриальных», «информационных» и т.д.). Проблема этики в современном технократическом мышлении является едва ли не самой острой, поэтому вопрос о том, где искать возможность «существования» этики, фундирует, с одной стороны, появление теорий, согласующихся с принципами этических проектов современности, ориентированных на обнаружение новых способов практического применения рациональности и «защиту исчезающей публичной сферы». Осмысление проблемы «запустения общественного пространства» является той актуальной задачей, которая решается Ю. Хабермасом [1] в его модели коммуникативной этики, утверждающей, что единственным возможным способом существо-

вания этики является коммуникативное сообщество, то есть то пространство мышления, в котором осуществляется коммуникация двух или нескольких индивидов. Иными словами, задача этики коммуникативного дискурса заключается в реконструкции кантовской этики и возобновлении диалога между индивидуальным и общим, частным и общественным. Ю. Хабермас полагает, что постсовременное этическое мышление может быть основано на реконструированной теории кантовского практического разума, если его понимать не как способность в одиночку достичь моральных истин, но как способность к коммуникации, достигаемой посредством установления нового соотношения рационального понимания и ценностей.

С другой стороны, существует позиция, представленная А. Макинтайром [2], Дж. Греем [3] и другими философами, утверждающими, что на фоне провала морального проекта современности необходим поиск досовременной моральной традиции, способной придать разумность и рациональность постсовременным моральным позициям и обязательствам. Такой традицией для А. Макинтайра является аристотелизм, для М. Фуко [4] – раннехристианская этика, для П. Козловски [5] – христианство и т.д. Многообразные постсовременные этические теории имплицитно содержат в себе общую тематическую структуру, проявляющуюся в соединении рассуждений об этических перспективах и контурах постсовременности с ретроспективным взглядом на вызывающий сегодня разногласия кантовский проект моральной философии.

Значительный вклад в развитие постсовременной этической теории сделан сегодня социологами. Особый интерес в этом отношении вызывает концепция З. Баумана [6], полагающего, что преодоление кантовской интерпретации отношения между сущим и должным, направленной на обоснование их полного разрыва, возможно в рамках этики любви. Кант не сделал свою этику этикой любви, поскольку полагал, что это лишь эмпирическое состоя-

ние зависимости человека от своего настроения и влечения, лишаящее его свободы и способности прислушиваться к доводам разума. Кант не рассматривал любовь как «трансцендентальное» чувство, обусловленное высшими ценностями, хотя в такой перспективе существует возможность соединения внутреннего и внешнего, свободы и необходимости. Поэтому неудивительно, что посткантовская этика представлена значительным количеством философских систем, пытающихся осмыслить любовь как высшее чувство, которое, являясь переживанием, тем не менее связывает человека с высшими ценностями, соединяет индивидуальное и всеобщее, устраняя тем самым формальную принудительность долга.

На фоне всеобъемлющей критики практического разума, обвиняемого в интеллектуальной неадекватности и этической несостоятельности, особый интерес вызывает попытка, предпринимаемая З. Бауманом и другими социологами и философами, разработать принципы постсовременной этической теории на основе чувства ответственности и любви, рассматриваемых как основа логики человеческих интересов и логики социальных институтов. В постсовременном мире, по оценкам социологов, общественное пространство захватили частные интересы и цели, выталкивающие из него все то, что не может быть переведено на язык личных интересов. Отсюда ясно, почему задача постсовременной этической теории состоит в том, чтобы разработать социальную этическую теорию, содержащую ценностно-нормативное обоснование таких социальных добродетелей, как гражданственность, ответственность, любовь, толерантность, способных пополнить ряды демократических институтов заинтересованными гражданами, создать и заполнить общественное пространство.

Повседневная реальность неумолимо доказывает, что безопасность, устойчивое развитие и самой маленькой человеческой ячейки – семьи, и человечества в целом зависят от уровня моральных ценностей и нравов, поощряемых и господствующих в обществе. Научное философское и социологическое понимание характера и динамики этих процессов во многом может определить эффективность процессов политического управления.

Особенности социально-политической жизни российского общества характеризуются ситуацией его вхождения в новый этап своего развития, на котором у России сохраняется возможность выбора траектории устойчивого развития. Социологические опросы показывают, что граждане и эксперты настаивают на развитии отношений России с другими странами мира. По мнению большинства, их безопасность, безопасность близких и страны в целом уменьшилась после распада СССР. Важнейшим

фактором, который влияет на ощущение безопасности, является терроризм. Респонденты склоняются к силовым, а эксперты – к социальным и политическим методам противодействия терроризму.

Они полагают, что этическая система ценностей, которая была выстроена на принципах господства над природой, господства и подчинения в социальных отношениях, развалилась. Возникла острая потребность в новой глобальной этике как стратегии отношений, выстроенных на следующих новых принципах: отказ от логики и ценностей конкуренции, переход к принципам ответственности, сотрудничества и любви; укрепление общечеловеческого начала в этике; отказ от насилия и конкуренции; согласование интересов системы «человек – общество – природа» на принципах гармонизации и социального консенсуса; отказ от антропоцентричной и переход к биосферной модели жизни.

Таким образом, можно утверждать, что постсовременная социальная теория и социально-политическая реальность соединяются в мнении о том, что безопасное будущее человечества возможно лишь на пути формирования и развития не формальной всеобщей индивидуалистической этической системы, а новой «публичной», социально-полезной этики, соединяющей в требованиях морали ответственность, толерантность и любовь, преодолевающей дихотомию «универсализм – партикуляризм» в глобальном пространстве, расширяющей моральный круг до холистической позиции.

Построение новой этической теории невозможно без учета гендерных отношений в обществе. Социальные изменения диктуют новые представления о мужчинах и женщинах, мужском и женском поведении и предназначении. Поэтому формирование глобальной этики, основанной на принципах любви, толерантности и других демократических ценностей, может осуществляться только в соответствии с идеями гендерного равенства, транслируемыми через систему образования.

Современные гендерные исследования не пришли к единому и общему знаменателю в понимании самого гендера, поскольку представляют собой совокупность различных научных течений, объединенных тем, что опираются на изучение всего спектра взаимоотношений между мужчинами и женщинами в социокультурном пространстве. Соответственно в литературе имеется достаточно широкий контекст употребления данного понятия. Однако представители гендерных исследований единодушны в том, что можно выделить три основных направления гендерной теории, в которых гендер понимается как: 1) социальный конструкт (конструируемый в процессе социализации, а также самими индивидами путем гендерной идентификации); 2) стратификационная категория (ген-

дер, как и класс, раса, национальность, возраст, является основой стратификации, а именно разделения по половому признаку); 3) культурный символ, культурная метафора (через понятия мужское/женское, маскулинность/фемининность). Позиция автора в этом вопросе созвучна всем указанным теориям, которые, в принципе, не противоречат, а дополняют друг друга в понимании такого сложно социокультурного феномена, как гендер. В данной статье возможно употребление всех указанных определений гендера: в контексте рассуждений о структурах общества, социальных процессах будет подразумеваться два первых значения гендера, а в отношении анализа культуры (и это логично) – употребление гендера как культурного символа. В целом гендер можно обозначить как «сложный социокультурный процесс конструирования обществом различий мужских и женских ролей, поведения, ментальных и эмоциональных характеристик» (цит. по: [7, с. 30]).

Если под «исследованиями мира» понимать «изучение всех факторов (культурных, социальных, политических, правовых), направленных на искоренение войны, сопряженной с насилием и агрессией, препятствующих полной реализации прав и свобод человека», то, используя гендерный подход, необходимо к содержанию понятия «человеческая личность» добавить ее атрибутивные свойства, без которых понятие «человек» – весьма абстрактная сущность, – это, конечно, Мужчина и Женщина. И тогда мы получаем более полное определение исследований мира – это изучение всех факторов (культурных, социальных, политических, правовых), направленных на искоренение войны, сопряженной с насилием и агрессией, препятствующих полной реализации прав и свобод человеческой личности мужчины и женщины. Если использовать понятие мир, предложенное учеными из Хиросимского университета, как реализация прав человека, то такое добавление также оказывается весьма существенным, поскольку, действительно, реализация прав мужчин и женщин осуществляется по-разному, хотя декларативно, на уровне официальных документов, этой разницы можно и не обнаружить.

Преимущество гендерного подхода в том и состоит, что он позволяет учитывать интересы обеих социально-половых групп общества. Для достижения благополучия современной России стратегически важным является необходимость осознания того, что «явления, происходящие в обществе, по-разному влияют на мужское и женское население, вызывая их неодинаковые реакции» [8, с. 71]. Без учета гендерного измерения не представляется возможным построение подлинно демократического общества, которое по определению должно основываться на принципах приоритетности прав лич-

ности. Но «личности», как уже подчеркивалось, – это не абстрактные сущности, а, прежде всего, женщины и мужчины, следовательно, развитие демократии в обществе напрямую зависит от условия соблюдения в нем равных интересов, выгод и возможностей для мужчин и женщин.

Реализация гендерного подхода в различных сферах общества (правовой, духовной, политической, экономической) невозможно в нашей стране без гендерного просвещения, одним из механизмов которого является социальный институт образования. Оно является не только необходимым условием повышения социального статуса индивида, но и важнейшим инструментом социализации личности. Благодаря этому процессу, усваиваются нормы и правила поведения, в том числе и гендерные стереотипы, то есть представления о том, какими должны быть мужчины и женщины в обществе. Соответственно одними из основных носителей и трансляторов этих стандартизированных образцов поведения (наряду с семьей, сверстниками, СМИ) являются педагоги – а это воспитатели, учителя и преподаватели. В современном российском обществе, несмотря на многие перемены, происходящие в нем, все еще сильны традиционные представления о мужском и женском предназначении, которые выводятся исключительно из биологических различий людей.

Преодоление традиционализма, тормозящего развитие современного российского общества, в сторону демократических ценностей не представляется возможным без включения гендерного подхода в отечественную педагогику. Одним из его явных преимуществ перед полоролевым является то, что он снижает уровень гендерной стереотипизации и дает возможность отступлений от традиционных патриархатных моделей социокультурного устройства [9, с. 381].

Заметный вклад в проблематизацию насилия внесли теории феминизма. Несмотря на имеющиеся между ними разногласия на причины и пути преодоления насилия, их объединяет признание того, что насилие как таковое является прямым следствием андроцентризма – данное понятие обозначает глубинную культурную традицию, сводящую общечеловеческую субъективность к единой мужской норме, репрезентируемой как универсальная объективность, в то время как иные формы субъективности, прежде всего женская, маркируются как отклонение от нормы, маргиналия или патология. Иными словами, андроцентризм – это взгляд на мир с мужской точки зрения, выдача мужских представлений, ценностей и идеалов за единые универсальные социальные нормы и жизненные модели, что позволяет некоторым исследователям оперировать понятием «мужская цивилизация» в характеристике традиционной и современной культуры.

Помимо андроцентризма, феминистки ввели в научный дискурс такие понятия, как «патриархат», «сексизм», «маскулинизм» – все они помогают переосмыслению основ современного общества и культуры, а также факторов, препятствующих миру, и условий, способствующих ему. В частности, глобальные проблемы современности также связываются в феминизме с андроцентризмом и маскулинизмом, поскольку способ взаимоотношения современного человека с природой (грубый, жестокий, насильственный, высокомерный) схож с мужским стилем поведения, ориентации и мировоззрения. Одна из отечественных исследовательниц назвала патриархатный режим «уголовно-порнографическим вернисажем» [10, с. 135]. И действительно, никто не станет возражать, что основные потребители порнопродукции – это мужчины, из приверженцев педофилии и сексуальных маньяков – они же. Автор статьи ни в коем случае не имеет предубеждений относительно мужчин, поскольку считает, что они сами являются заложниками того, что в течение многих веков так упорно создавали, а потому и разделяет высказывание, что «женщину дискриминируют не столько отдельные мужчины, сколько сам тип патриархатной культуры (который дискриминирует и мужчину, но по-иному)» [10, с. 137].

Если использовать предложенную японскими коллегами из Хиросимского университета терминологию «прямое насилие» и «структурное насилие», то можно сказать, что первое является проявлением агрессии, а второе – дискриминации (как женской, так и мужской). Насилие как структурное насилие чаще проявляется по отношению к женщинам, так как основания современного общества, патриархатного по своей сущности, препятствуют «полной реализации физического и духовного потенциала» женской личности. Кроме того, поскольку считается, что женщина – это «слабый пол», то якобы применение прямого физического насилия является по отношению к ней кощунством со стороны мужчины (не «по-мужски»), но так как данная форма насилия является социально допустимой формой проявления мужского начала, то оно все равно распространяется и на женщину. В этом смысле стиль отношения мужчины к женщине не исчезает, он вуалируется, что и является структурным насилием.

Прямое насилие в его физическом виде (война, военные действия, вооруженные столкновения, военные конфликты) чаще и больше всего проявляется по отношению к мужчинам и самими мужчинами. Если учесть, что среди мужчин в различных социальных институтах (например, армия, спорт) поощряется проявление агрессии, то прямое насилие можно определить как специфически мужской

(маскулинный) способ решения социальных проблем (экономических, политических) и ориентации в окружающей социальной реальности.

Причиной сложившегося социокультурного уклада является гендерная асимметрия как западной, так и восточной типов культур, механизмом развития которой является «гендерно-асимметричная социализация» [11, с. 1], накладывающая отпечаток и на гендерно-специфические особенности проявления агрессии» мужчин/женщин [11, с. 6]. Согласно последним исследованиям, девочкам более свойственны вербальные и косвенные проявления насилия, мальчикам – физические и прямые [11, с. 3].

Специалисты также выявили факторы, обуславливающие «особенности проявления агрессии мальчиками и девочками – это гендерные стереотипы родителей, педагогов, самих учащихся; игрушки, игры и материалы для занятий, имеющиеся у девочек и мальчиков; литература, которую они читают; мультфильмы и кинофильмы, которые они смотрят» [11, с. 2].

Поскольку одним из важнейших институтов социализации личности является образование, школа, а основными агентами социализации выступают педагоги, то их влияние на закрепление гендерных стереотипов в отношении проявления агрессии – существенно. Так, исследование Н.Ф. Сухаревой показало, что «в школе подкрепляются те особенности агрессии, которые начали развиваться в семье. Учителя подвержены гендерным стереотипам, касающимся агрессивного поведения детей. Хотя большинство из них и считают агрессию недопустимой как со стороны девочек, так и мальчиков, в реальности реагируют на нее по-разному» [11, с. 9].

Известная российская исследовательница Татьяна Клименкова назвала насилие «родимым пятном, проклятием, которое постоянно тяготеет над патриархатным режимом» [10, с. 37]. Важнейшим шагом в преодолении насилия, следовательно, войны и достижения мира представляется во внедрении основ гендерного образования, прежде всего в педагогических вузах, так как педагогика, как система воспитания и образования личности, во многом ответственна за будущее поколений.

Ответ на вопрос, насколько реально и возможно развитие гендерно ориентированной педагогики в школах г. Томска, т.е. какова реальная «почва» для ее развития, дало пилотажное исследование, проведенное лабораторией социологии и гендерных исследований Томского государственного педагогического университета. В ходе опроса учителей выяснилось, что основная гипотеза исследования не подтвердилась. Предполагалось, что молодые педагоги (в возрасте до 35 лет) все же будут в большей степени придерживаться принципов гендерного подхода в образовании, так как именно молодые

люди, в сравнении со старшим поколением, менее подвержены традиционным гендерным стереотипам и преимущественно ориентированы на идеалы гендерного равенства. Последнее предполагает и то, что в своей педагогической деятельности они будут склонны к следующим установкам:

- размытия жестких образцов гендерного поведения;
- нейтрализации различий между полами;
- предпочтения свободного выбора гендерной идентичности, видов деятельности, исходя из интересов девочек и мальчиков;
- нецелесообразности раздельного обучения;
- внедрения сексуального просвещения в школе и др.

Однако именно указанная категория учительниц оказалась консервативнее в этих вопросах в отличие от педагогов среднего и старшего возрастов. На наш взгляд, полученные результаты исследования демонстрируют отмеченную многими специалистами по гендерным вопросам тенденцию к возвращению традиционных идеалов на взаимоотношения мужчин и женщин в обществе, несмотря на глубокие изменения, которые происходят во всех сферах жизни современной России. Впрочем, это не удивительно: этому способствует активная пропаганда в СМИ традиционных, «классических» образов мужчин и женщин, отсутствие государственной гендерной политики, адекватной новым социальным про-

цессам. Причиной же этого, а может быть, и следствием является отсутствие гендерного просвещения и образования. Остается только предполагать, почему для педагогов старшей возрастной группы (старше 50 лет) оказались близки многие принципы гендерного подхода в обучении и воспитании детей в школе. Скорее всего, это обусловлено влиянием советского гендерного контракта и в целом советской гендерной политики на взаимоотношение полов и роли мужчин и женщин в обществе.

Вывод исследования получился достаточно противоречивым: распространение основ гендерного образования в школах г. Томска (в качестве одного из возможных способов достижения мира на земле) крайне проблематично, но при этом очень необходимо, поскольку стереотипизация учителей влечет за собой соответствующую социализацию мальчиков и девочек, будущих мужчин и женщин. А это значит, что основная работа по развитию гендерной педагогики и обоснованию ее влияния на ликвидацию таких форм насилия, как дискриминация по признаку пола, расы и национальности, у специалистов высшей школы еще впереди.

Таким образом, в заключение подчеркнем, что мораль, утверждающая новое содержание, изменяющее основания и характер гендерных отношений, адекватных современным социальным условиям, может выступать основой безопасного будущего человечества.

Литература

1. Habermas J. Justification and Application. Remarks on Discourse Ethics. Great Britain, 1993.
2. Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали. М., 2000.
3. Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М., 2003.
4. Foucault M. On the Genealogy of Ethics: An Overview of Work in Progress // Dreyfus H., Rabinow P., Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics. L., 1983.
5. Koslowski P. Die Postmoderne Kultur: Gesellschaftlich-kulturelle Konsequenzen der Technischen Entwicklung. Munchen, 1988.
6. Bauman Z. The Individualized Society. L., 2001.
7. Воронина О.А. Формирование гендерного подхода в социальных науках // Гендерный калейдоскоп: Курс лекций / Под общ. ред. М.М. Малышевой. М., 2001.
8. Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. М., 2002.
9. Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.С. Клециной. СПб., 2003.
10. Клименкова Т. Насилие как основа культуры патриархатного типа // Гендерный калейдоскоп: Курс лекций / Под общ. ред. М.М. Малышевой. М., 2001.
11. Сухарева Н.Ф. Гендерные особенности проявления агрессии учащимися младшего школьного и подросткового возраста: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.